

31

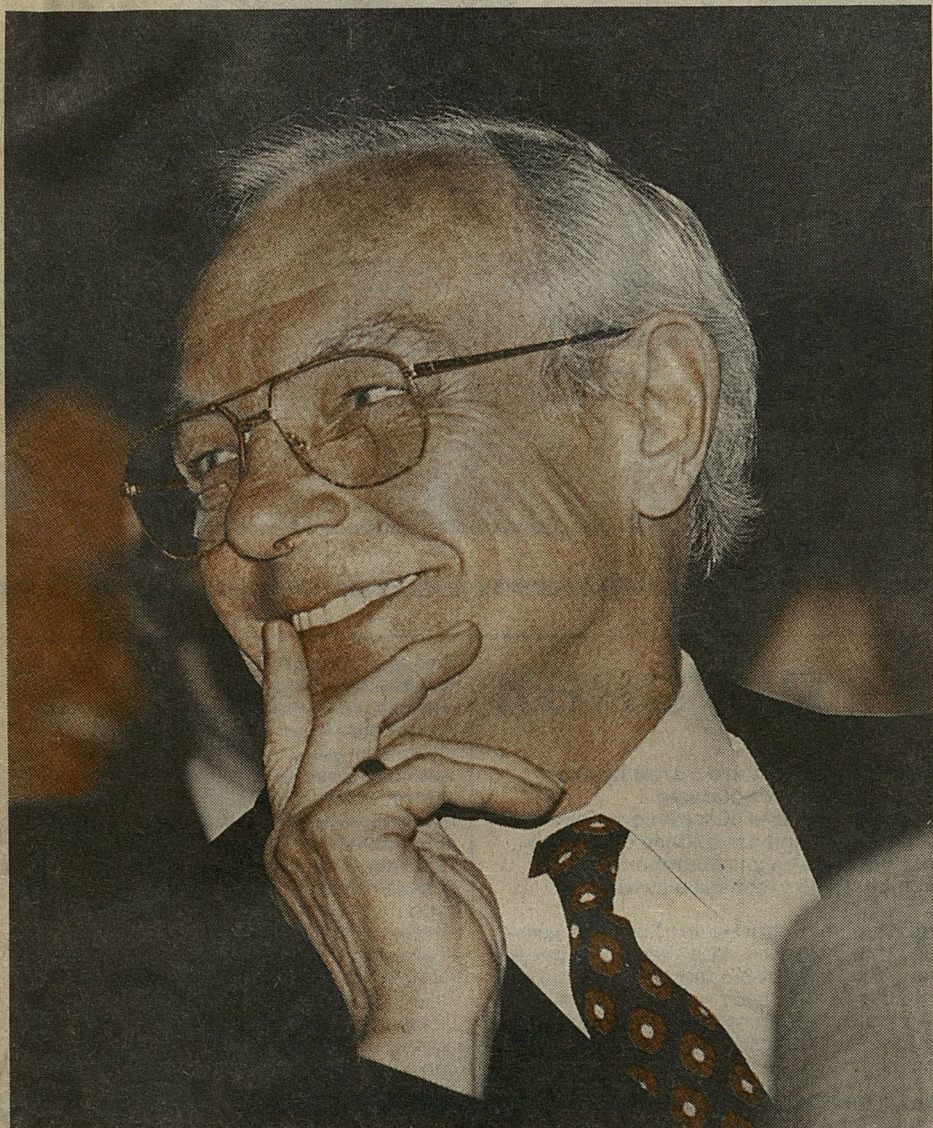

Фото: INTERPRESS

“В актерской среде я — белая ворона”

Кирилл Лавров — Газете

Новая газ. — 2002 — 4 окт. — с. 1, 15.

Большой драматический театр имени Георгия Товстоногова открыл новый сезон. Завтра состоится премьера спектакля «Костюмер». С художественным руководителем БДТ Кириллом Лавровым встретился корреспондент Газеты Артур Соломонов.

Кирилл Юрьевич, вам никогда не хочется сказать — «Пошел к черту этот театр! Буду жить на даче, в Гатчине»?

Я знаю, что долго так не проживу. Тем более что у меня перед глазами опыт отца, который говорил, что терпеть не может стариков на сцене и в шестьдесят лет уйдет из театра. И он свое слово сдержал. Страшно бравировал этим, говорил, что ему все осточертело, драматургии нет, актеров нет, режиссеров нет, театр гибнет, он не желает в этом участвовать, вот купит удочку и будет ходить на Днепр удить рыбу. Ну, походил он на Днепр два дня, потом затосковал, и был страшно счастлив, когда его приглашали в тот же театр на разовую какую-то

роль или в киношку сняться. Я чувствую, что я тоже вряд ли смогу без театра. Я вот уезжаю на дачу и могу продержаться там максимум неделю. Тянет. Вся жизнь была такой насыщенной, что взять и уйти на пен-сион — значит вообще распрощаться...

В спектакле Григория Козлова «Перед заходом солнца» вы сыграли Маттиаса Клаузена, пожилого человека, который решил изменить свою жизнь. Вы бы смогли поступить так?

Мне кажется, мой герой не так уж круто изменил свою жизнь — на любовь он имел право, поскольку был вдовец. Это был протест против неизбежного и естественного умирания. Он не хотел с этим согласиться.

В старости есть что-то положительное?

Ничего положительного в старости нет. Кроме легкого утешения, что ты можешь плюнуть в любую сторону и отправиться, куда хочешь. Но это слабое утешение. Гораздо больше теряешь с возрастом.

«Я был совершенно ординарным мальчишкой, мотал школу, ходил в кино. С моим приятелем пробовали бражку, которую варили к празднику его родители, а мы таскали из-под кровати этот бочонок»

Кирилл Лавров — Газете

персона

Новая газ. — 2002 — 4 окт. — с. 1, 13

“в актерской среде я — белая ворона”

Кирилл Лавров — Газете

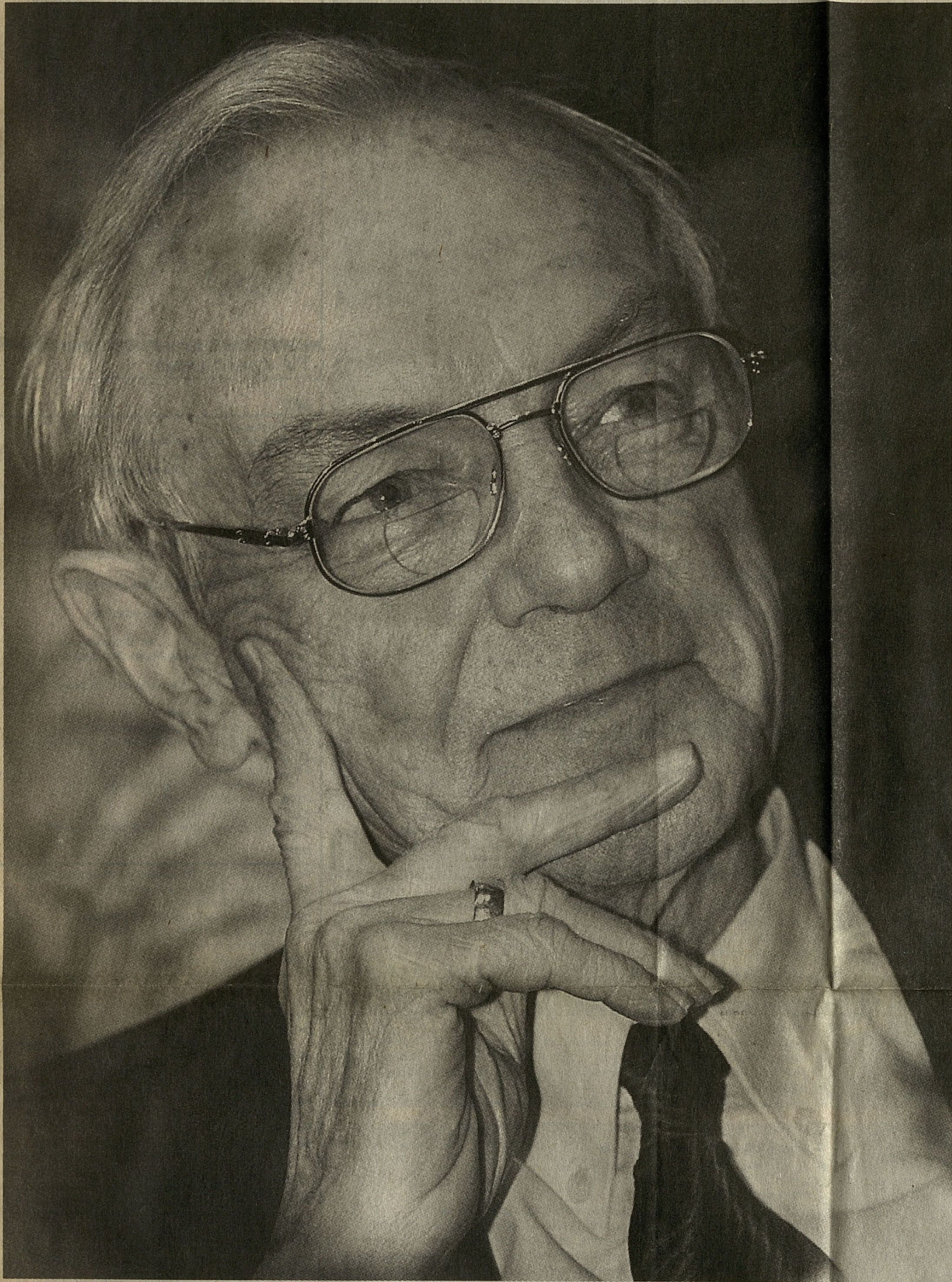

Фото: ИНТЕРПРЕСС

Окончание. Начало на странице 01

Вы сыграли немало политических лидеров — Ленин, Президент из «Коварства и любви», а потом сами ушли в политику. Не было ощущения слияния жизни и театра?

Я в политику никогда, в общем, и не уходил. Но меня постоянно куда-то избирали, и я оказывался... где-то там. Но я никогда не занимался политикой в ущерб своему собственному делу. Наоборот, я всегда пытался использовать те возможности, которые мне предоставляла та или иная должность, чтобы помочь театру.

Ваш прапрадед дружил с Грибоедовым. Вам ничего не известно из подробностей этой дружбы?

Все не хватает времени... У предков по маминей линии было имение рядом с Хмелитой, именем Грибоедовых. У мамы еще остались детские воспоминания о том, как она там жила.

Я туда собрался съездить где-то в середине восьмидесятых. Но доехал туда совсем недавно. И в музее я нашел факты, что Грибоедов с моим прапрадедом в какую-то чуть ли не масонскую ложу вместе вступали. Они дружили, расстояния между именами — три версты... Вот если я уйду из театра, то тогда поеду в Хмелиту и буду изучать.

Вы неоднократно говорили, что собираетесь покинуть пост художественного руководителя БДТ и подбирать кандидатуру главрежа или худрука вашего театра. На каком этапе сейчас находится решение этой проблемы?

Решение этой проблемы зависит не от моего каприза и не от моего настроения. Время идет, необходим молодой энергичный человек, который будет строить театр дальше. Наверное, не стоит говорить, насколько сложно решить эту проблему. Все это затягивается не потому, что я хочу как можно дольше сидеть в этом кресле. Отнюдь. Я сюда попал против своей воли и по мере своих сил пытался сохранить то хорошее, что было в нашем театре. Но сохранять вечного ничего нельзя. И я, воспитанный в театре Товстоногова, где был лидер, который ставил здесь практически все спектакли, считая, что и дальше театром должен руководить режиссер.

Мне кажется неправильным, когда во главе театра становится то директор, то актер, то завлит, и приглашаются на постановки те или иные режиссеры. Хотя я вполне понимаю, что это, возможно, веление времени. На это могу лишь повторить, что я получил определенное театральное воспитание и могу действовать лишь исходя из него.

Из тех кандидатур, что у всех на слуху, — Темура Чхеидзе, Григорий Козлов — никто не годится для этой роли? Почему? Они, на мой взгляд, вполне подходящие кандидаты. Вообще все режиссеры, которые ставили у нас спектакли, приглашались с прицелом именно на это. Но по разным причинам пока это не состоялось: у каждого свои мотивы — и у нас, и у них.

Но ведь это может длиться бесконечно. Решать эту проблему скороспело мне кажется преступлением. Можно нас упрекать во многих грехах, но то, что мы прожили этот период достойно и не скатились к позорному существованию, по-моему, очевидно. Этот процесс ожидания и выбора у меня лично вызывает уже какие-то судорожные движения. Я чувствую, что уже невозможно дальше, что надо, надо, надо...

Мне бы хотелось, чтобы новый худрук пришел в театр тем же способом, каким пришел я. А я был избран тайным голосованием

Почему Темура Чхеидзе не возглавил театр?

Категорически отказывается! В течение всех десяти лет. Я считаю, что это было бы наиболее верным решением. Но Темура Нодарович не хочет, он попробовал этого хлеба в Тбилиси, в театре Марджанишвили, и его гораздо больше устраивает положение вольного художника. Да и не только его. При всей той системе, которая сейчас существует, совсем не так много желающих получить свой собственный театр. Сейчас ситуация резко изменилась, потому что все изменилось. Изменилось все! Отношение актеров к своему театру, понятие своего театра стало очень расплывчатым, появилось огромное количество антреприз...

Я совсем не хочу сказать, что это плохо и с этим нужно бороться. Актеры получают такие нищенские заработные платы, что запретить им еще где-то заработать было бы просто бесчеловечно. Но то, что это разрушает театр, — тоже абсолютно бесспорно. Каждый раз, составляя репертуар, мы ломаем голову, раскладывая пасьянс: кто здесь, кто на гастролях, кто в Нью-Йорке, кто в Москве. Конечно, это все безумно сложно.

Если продолжить тему «кандидатства» — почему Григорий Козлов, который поставил в вашем театре «Перед заходом солнца», не стал худруком БДТ?

Я очень люблю Гришу. Мне кажется, он очень мягкий, тонкий и удивительно добрый человек. Я терпеть не могу злых людей. У меня к ним идиосинкразия. Он поставил у нас один спектакль, я думал, что он поставит у нас и второй. Но когда театр может поставить в сезон три, максимум четыре спектакля, то, естественно, одному человеку сделать две постановки просто невозможно. Кроме того, Гриша вот уже два года главный режиссер ТЮЗа. Так что пока я вам сегодня ничего окончательного сказать не могу. Я не хочу сейчас делать никаких заявлений, потому что меня уже упрекали: «Лавров ежегодно заявляет о своем уходе, а все равно сидит в этом кресле!» Я просто хочу, чтобы люди поняли, что для меня это вопрос чрезвычайной важности. И я надеюсь, что в очень скором времени я его решу. Потом, мне бы хотелось, чтобы новый худрук пришел в театр тем же способом, каким пришел я. А я был избран тайным голосованием.

Разве в театре возможны такие демократические ходы? Я как-то смутно себе представляю выборы в присутствии нескольких кандидатов.

Ну, конечно, это не будет «веч». Не будет, конечно, тайного голосования с несколькими фамилиями. Но мне бы хотелось учесть точку зрения коллектива.

Система Станиславского построена на идее оправдания лицедейства, на идее соборности, «перекованной» в идею актерского ансамбля.

Как вы чувствуете, на каком этапе развития находится эти вещи сейчас? Это сейчас почти совсем разрушено. Хотя, мне кажется, в этом был большой смысл. В этом было отношение к самому себе в искусстве, к своему месту в профессии, к своей миссии.

Помню, когда мы еще учились в ГИТИСе и собирались между лекциями в столовой, то если иногда произносились слова вроде «миссия» или «служение», все от них почти шарахались. Я очень хорошо понимаю, что выгляжу престарелым человеком, ругающим все новое. Да, я понимаю, что у молодых от этих слов сводит скулы. Но я не хочу ради того, чтобы казаться модным и не выглядеть ретроградом, менять свои убеждения. Ну я такой. Меня скоро вообще уже не будет на белом свете... Я просто выражаю свою точку зрения.

Эти споры продолжались тысячелетия, и продолжают, и будут продолжаться, пока существует на свете цивилизация и вообще человечество. Хотя, я думаю, не за горами и конец всего этого. Смотрите, что делалось недавно в Европе — все эти наводнения, жертвы, а эти пожары в России, лавины, а что случилось с нравственностью, со здоровьем... Опять-таки я понимаю, что выгляжу как старик, которому собственный неизбежный уход кажется концом света.

Понимаю, что иногда выгляжу как старик, которому собственный неизбежный уход кажется концом света

А оптимизм вам ничто не внушает?

Оптимизм мне внушает каждый хороший спектакль, который я вижу. Удачи коллег никогда не вызывали у меня желчи. Я всегда искренне радуюсь за них.

Когда вы играли Городничего в будапештском спектакле Товстоногова на русском языке, а все ваши партнеры — на венгерском, как-то изменилось ваше понимание профессии?

Нет, ничего особенно не изменилось. Я мысленно переводил их реплики на русский язык. Потом, они так старались, чтобы я все понял! Единственная была опасность, что вдруг кто-то из них пропустит какую-то реплику, я отвечу, потом этот разноречивый продлится, я закончу играть, а они еще будут долго продолжать. Но этого, слава богу, не случилось, и все было благополучно.

А ваша служба в армии каким-то образом повлияла на вашу актерскую сущность? Конечно, не в смысле навыков, а в чем-то ином.

Актерскую — вряд ли. Чисто человеческую — наверное. Ведь до сих пор я в актерской среде — белая ворона.

Странно слышать это от руководителя крупнейшего питерского театра.

Я не профессию имею в виду, а жизненные принципы, установок. Тем, что называется закулисной жизнью, я никогда не интересовался. И может быть, меня поэтому мои коллеги и любят, что я никогда не принимаю участия ни в каких заговорах, сплетнях, интригах. Может быть, поэтому меня единогласно избрали художественным руководителем...

А все эти качества, конечно, не в последнюю очередь были приобретены мной в течение восьми лет, проведенных в армии. Но ведь тогда была другая армия. Не было никакой дедовщины, там очень ценилась настоящая дружба, выручка, порядочность — словом, все те вещи, от которых сейчас молодежь морщится и считает, что это все пережитки прошлого. Но так уж сложилась моя жизнь. А, так сказать, начальное воспитание я получил в семье, и принципиальным сторонником служения театру был отец. Потом был театр Леси Украинки, великолепная атмосфера там... Мы жили какой-то своей, очень интересной жизнью, которая сейчас для молодых, возможно, была бы не столь увлекательной. Вот я смотрю: после репетиции каждый куда-то бежит — этот в рекламе сниматься, другой в антрепризу, третий на съемки...

Я вот, готовясь к интервью с вами, читал в театральной библиотеке папки, посвященные вам...

Там папки есть?

Четыре. Там собраны все газетные вырезки, в которых упоминается ваше имя, начиная с 1956 года. Там есть упоминание о проводнике Николае Никаноровиче, с которым вы беседовали все время, пока ехали с Курил домой в Питер. Вы не помните, о чем вы говорили тогда?

Это было больше пятидесяти лет назад, поэтому я не помню подробностей. Я был очень взволнован предстоящей встречей с Ленинградом. Я всю ночь стоял в коридоре, курил. И ситуация была довольно странная: не было билетов, и я, солдат, ехал в междугородном вагоне. Я вез деньги в вешевом мешке, и тогда почти все они ушли на билет. Николай Никанорыч оказался очень симпатичным дядькой. Он, видимо, понимал мои ощущения и расспрашивал о службе, о доме, о родителях...

Вас не тяготила служба?

Конечно, это было тяжело. Но в конце концов привыкаешь. И естественно, уже забывая театром, я рвался оттуда и страшно боялся, что меня произведут в офицеры. А мой отец как раз хотел, чтобы я поступил в военную академию, стал военным инженером.

Он не хотел, чтобы вы шли в театр?

Не хотел. Он считал, что у меня нет для этого достаточных данных. Пройдя всю эту одиссею актерскую, он боялся, что у меня карьера не сложится. А ведь ничего страшнее нет, чем несостоявшийся актер. Он так же боялся за меня, как я боюсь, очень боюсь за дочь свою, которая тоже избрала этот путь. И вот уже внучка тоже заболела театром. Она с малых лет в театре. Она всегда болталась здесь. Оставить ее не с кем. Она все время с родителями, с дедом. Сидит в моем кабинете, играет в моего секретаря, поднимает трубку, записывает все. Она дитя кулис, конечно.

Я прочел целый ворох рецензий с одинаковыми эпитетами, которыми вас награждали. Я представил, как скучно было вам читать из года в год единодушный хор: *верность, благородство, порода, чувство долга, героизм*. Вам никогда не хотелось сыграть что-то подобное, скажем, Смердякову? Из чувства противоречия тому образу, который сложился у большей части критики и публики? Я достаточно много играл подобных ролей. Начиная с Молчалина. У меня были такие опыты, а уж там что пишут...

А с комедиями сложилось?

У меня были комические роли, но больших удач не было. Все-таки с комедийным дарованием надо родиться. У меня не получилось.

Вы как-то формулируете различие питерской и московской театральной жизни?

Питер более скромный, Москва более нахальная. Во всем. И в демонстрации своих взглядов, и во всяческих эпатажных ходах. Я как-то спросил Петра Штайна: «Вот ты играл с немецкими актерами, с итальянскими, русскими. Какая разница между ними и нами?» Он сказал, что немецкий актер выходит на сцену так (*скромно становится в углы*), а русский — так (*делает шаг вперед, распахивая руки*). Вот Москва выходит — вот так!

Есть какие-то образы вашего прошлого, воспоминания о которых доставляют вам неизменную радость?

Наверное, это детство. Хотя питерское детство у меня было самое банальное. Я был совершенно ординарным мальчишкой, мотал школу, ходил в кино. С моим приятелем пробовали бражку, которую варили к празднику его родители, а мы таскали из-под кровати этот бочонок. Ходили на демонстрации, хулиганили, дрались — ну, все было нормально. Об актерстве я вообще тогда не думал. Но когда прихожу сейчас в Озерной переулок, сердце так екает! Остался дом, почти в неприкосновенности осталась лестница, перила... Я поднялся на второй этаж, увидел нашу квартиру номер три. Помню даже наш номер телефона — 4-12-13. Тогда в Питере были маленькие номера! И такие яркие, но редкие вспышки памяти: помню, как отец меня несет на плечах, мне три года, я засыпаю, идет дождь... Он меня несет с Литейного, с просмотра фильма «Третья молодость», где он снимался — это был его дебют. Он играл какого-то деревенского парня, а я снимался в массовке. Таким образом, мы с отцом одновременно начали наши кинематографические карьеры... И вот после просмотра этой картины, который проходил в лектории, в Юсуповском дворце, он меня нес. И вот почему-то именно это помню необыкновенно отчетливо. Вечерний город, моросящий дождь, и я, сидящий на отце верхом, засыпаю, держась за его волосы и падая ему на голову.

У предков по маминей линии было имение рядом с Хмелитой, именем Грибоедовых. У мамы еще остались детские воспоминания о том, как она там жила. Я доехал туда совсем недавно. И в музее нашел факты, что Грибоедов с моим прапрадедом в какую-то чуть ли не масонскую ложу вместе вступали

Когда вы в 1943 году пошли добровольцем на фронт, родители не были против?

Отца не было, он был на фронте. В Новосибирске я жил с мамой, бабушкой и маленькой сестрой. Конечно, разговоры были, тем более что я работал на военном заводе и у меня была бронь. Но потом, когда я чуть не попал в школу радистов, которых забрасывали к немцам в плен, был скандал в доме. Маму и бабушку это категорически не устраивало. Когда после этого пошел в армию — ну, слава богу, хоть так. А потом я попал в военное училище, и родители успокоились — значит, пока на фронт не пошлют.

Вы как-то сказали, что не любите сильных женщин и даже их боитесь. Почему? Пожалуй, это правда. Мужчина, наверное, должен чувствовать потребность женщины в его собственной силе, женщина должна быть объектом защиты, поддержки. Поэтому когда сама по себе дама являет собой сильное начало, у меня это вызывает отторжение и некоторую растерянность.

Вам не попадают на глаза статьи, написанные вами в пятидесятые годы, где вы называете Никиту Хрущева «великим глашатаям мира, борцом за всемирное осознание человечества»? Я давно не читал этих статей.

А я вчера. В той самой папке.

Я знаю, что я в своей жизни не подписал ни одного коллективного письма. Я знаю, что я никогда не сказал ни одного хорошего слова о тех событиях, которые мне казались безразличными. А от меня, естественно, требовали каких-то выступлений и петиций. Но я поддерживал те вещи, которые на мой взгляд были объективно положительными. Такие, как борьба за мир, реабилитация невинно осужденных.

Вы в похожих ситуациях с Михаилом Ульяновым, который принял на себя обязанности худрука одного из крупнейших театров страны — Вахтанговского. Вы не пересваниваетесь с ним, не обмениваетесь советами?

Специально мы не созваниваемся, чтобы на эти темы поговорить. Но когда мы встречаемся, то обязательно делимся бедами и проблемами. Они абсолютно идентичны! Что у него, что у меня — все то же самое!

Ульянов, похоже, очень устал. А я, вы думаете, не устал?